

— За... за кого ведут свинью?

Чэнь Чуань удивлённо спросил:

— Скоро Новый год, в долине теперь такие принудительные льготы?

— Чёрт, как ты тут оказался? Ты что, не знаешь владыку Бишуй Цзин Вэй?

Чэнь Чуань опустил голову, играя пальцами:

— Я только что совершеннолетний, новый ученик, только что поступил...

Лю Саньцзю, глядя на морщины на его лбу, сказал:

— И правда не заметно, ваше состаривание выглядит очень реалистично.

Тот продолжил играть пальцами:

— В нашей деревне совершеннолетие наступает в тридцать пять.

Шуй Хо рассмеялся:

— Он не знает, это нормально. Владыка Цзин уже несколько лет не была в Долине Лазурных Глубин, и многие новые ученики не знают, насколько она была могущественной в прошлом.

— Хотел бы я узнать... подробности.

— Эта женщина — приёмная дочь старого патриарха, в прошлом она была в Долине Лазурных Глубин и тайно влюблена в патриарха, но потом совершила проступок и была отправлена в Бишуй.

Шуй Хо, сделав глоток вина, подмигнул:

— Она давно не любила первого старшего, на свадьбе даже подарила бочку старого уксуса. Теперь, когда жена попала в беду и оказалась в тюрьме, как она может не воспользоваться моментом?

Лю Саньцзю вздохнул:

— Не зря её называют «Милосердной с ядовитыми руками», у этой женщины действительно злое сердце.

— Говори тише, те, кто её обижал, не закончили хорошо. Патриарх тоже защищает эту младшую сестру, иначе за её проступки она бы уже давно превратилась в прах, а на её могиле

выросла бы трава высотой в пять чжан.

— Что она сделала, что её отправили в Бишуй вести свинью?

Любопытно спросил Чэнь Чуань:

— Украла свинью?

— Чёрт, ты, идиот, заткнись!

Лю Саньцзю бросил на него взгляд и спросил Шуй Хо:

— Я тоже хочу знать, почему госпожа Цзин была сослана, это уже стало большой тайной Секты Врат Преисподней.

— Это касается репутации патриарха, кто осмелится говорить об этом?

— А? Неужели эта женщина спала... спала с патриархом?

— Нет, но почти.

Шуй Хо огляделся и тихо сказал:

— Говорят, она сама предложила себя, ночью забралась в постель к патриарху, и он разозлился, чуть не убил её.

— Чёрт, у этой женщины слишком смелая душа, я бы лучше забрался к медведю!

С восхищением сказал Лю Саньцзю.

— Если бы только это, это бы не стало тайной, но тогда один из охранников патриарха, увидев, что она, кажется, выпила, пошёл за ней, и за дверью услышал, как она назвала имя.

— Какое имя?

— Чжу Можань.

На кухне повар Лю уже лежал на полу.

Чи Юэ же оставался бесстрастным, продолжая работать. Он очистил каждую серебристую рыбку, удалил голову, хвост и кости, натёр солью, а внутрь положил перец, лавровый лист и

другие специи, затем разложил на бамбуковой циновке у окна и накрыл тонкой тканью.

— После высыхания положите их в бочку с соевым соусом, используйте деревянную бочку, а не керамическую, и к Новому году они будут готовы.

Чи Юэ вытер руки и повернулся к повару Лю.

— Понял, не волнуйтесь, если в Башне с видом на родные края понадобится, я замариную ещё несколько с медом османтуса.

Повар быстро поднялся с пола и встал ровно.

— Не нужно. Ему... сейчас не нравится сладкое.

— Хорошо.

Повар Лю с улыбкой сказал:

— Супруга действительно счастливчик, раз патриарх лично готовит...

Увидев выражение лица Чи Юэ, он не продолжил.

Хм, я готовлю для своего сына, какое дело до него? Чи Юэ с холодным лицом вышел.

Увидев, что из кухни вышел кто-то страшнее медведя, трое снаружи сразу же потеряли дух, упали на землю и начали умолять о пощаде.

Лю Саньцзю:

— Патриарх, пощадите! Это всё Шуй Хо говорил, я тут ни при чём...

Чэнь Чуань:

— Патриарх, я только что совершеннолетний, ещё не разбираюсь, что они говорят... а, нет, я ничего не слышал!

Шуй Хо просто закрыл глаза и притворился мёртвым.

— Чего боитесь? Я не собираюсь вас убивать.

Чи Юэ слегка улыбнулся.

Теперь он хотел накопить добродетели для своего нерождённого ребёнка, чтобы у него не было проблем с тем, чего не должно быть, и чтобы он не был полным этого.

— Раз вы так интересуетесь госпожой Цзин, то с сегодняшнего дня вы будете работать под её началом.

Сказав это, он развернулся и ушёл.

Сначала трое оцепенели, затем внезапно осознали и почувствовали, как их внутренности разрываются.

Шуй Хо резко поднялся, крича в отчаянии:

— Патриарх, мы ошиблись, умоляем, убейте нас! Убейте быстро!!!

Беременные обычно много спят, и Янь Були проснулся ближе к вечеру. После ужина, который ему подали Шуй Янь и Хань Янь, он почувствовал тяжесть в груди и решил прогуляться, чтобы переварить еду.

Чи Юэ не держал его под строгим контролем, но как только он покидал Башню с видом на родные края, за ним следовала охрана, как для наблюдения, так и для защиты.

На самом деле, в его нынешнем состоянии он не мог бежать, да и не хотел.

Две заботливые служанки, боясь, что их госпожа простудится, каждый раз перед выходом закутывали его в несколько слоёв одежды. Не то что бежать, даже шагнуть было сложно, как утка, шатающейся из стороны в сторону.

Поэтому часто ученики в окрестностях Башни с видом на родные края видели, как пухлый белый утёнок медленно ковылял по снегу, впереди четыре человека с метлами быстро расчищали путь, а сзади шли два ряда строгих охранников с мечами. Шествие было внушительным и громким, и на всём пути птицы разлетались, а звери затихали...

Янь Були чувствовал, что такая прогулка слишком напряжённая, поэтому, когда он дошёл до Пика Горчичного Зерна, он попросил охранников подождать у входа в Двор Беспомощности.

Начальник охраны немного замешкался, но согласился. В конце концов, двор был небольшим и окружён стеной, куда он мог убежать? Да и этот тип был таким неуклюжим, как утка, набитая водой, даже с крыльями он бы не смог улететь дальше трёх метров...

Янь Були стоял на ступеньках, поднял лицо и взглянул на ещё не снятый красный иероглиф «счастье» над дверью, выдохнул облачко пара, поправил воротник своей лисьей шубы и вошёл внутрь.

Внутри всё было как прежде. Деревья в саду уже засохли, но на ветвях всё ещё висели красные и зелёные ленты, снег на земле не был убран, лежал толстым слоем, как вата. Следы от двери вели вглубь, и в конце следов был человек, лежащий пьяным на каменном столе, и пустые винные кувшины, разбросанные вокруг.

Чи Юэ не хотел пить, но его мучили черви в животе, поэтому он напоил их вином, а сам, выпив несколько кувшинов старого вина, не выдержал и опьянел. Он спал неглубоко, и, услышав скрип снега под ногами, проснулся, поднял голову и, увидев вошедшего, в его мутных глазах появился проблеск света:

— Мочоу?

Янь Були остановился.

— Ты вернулся...

Пьяный Чи Юэ встал, с улыбкой обнял его и потрогал:

— Эй, ты потолстел?

Ерунда, ты трогаешь второй слой одежды, ещё не дошёл до начинки.

Янь Були, нахмурившись, оттолкнул его:

— Брат, ты ошибся человеком.

Чи Юэ, пошатываясь, отошёл на два шага. Покачал головой, глаза прояснились, лицо стало холодным, и он резко спросил:

— Зачем ты пришёл?

— Я пришёл посмотреть, кто здесь пьёт, тоскуя по прошлому.

— Убирайся!

Чёрт, ты тайно тоскуешь по старой любовнице и ещё смеешь на меня кричать, веришь, что я устрою твоему сыну ад?!

Янь Були тут же согнулся, держась за живот:

— Ой.

Чи Юэ тут же подошёл поддержать его:

— Что случилось?

— Переел, тяжело.

Сдерживая желание ударить его, Чи Юэ сквозь зубы сказал:

— Ты знаешь, что у тебя ребёнок? Зачем в такой холод выходить?! Если что-то случится, ты веришь, что я...

— Ой.

— Ладно, ладно... Я больше не буду. Быстро возвращайся, больше сюда не приходи, и вещи Мочоу тоже не трогай.

Чи Юэ повернулся. Почему-то, видя этого человека, он чувствовал раздражение.

— Хорошо, мне и не хочется заходить в аварийное здание.

Янь Були выпрямился, его взгляд был задумчивым, когда он смотрел на холодную спину Чи Юэ:

— Но что ты будешь делать после рождения ребёнка? Убьёшь меня или навсегда закроешь в Башне с видом на родные края?

— Когда этот ребёнок вырастет, ты будешь скрывать от него правду всю жизнь?

— Цзян Мочоу убила я, или она сама хотела умереть. В любом случае, она уже мертва, зачем ты продолжаешь обманывать себя?

Он холодно усмехнулся:

— Чи Юэ, даже если ты закроешь меня на всю жизнь, я никогда не стану Цзян Мочоу.

Живой никогда не победит мёртвого. Он не боролся и не просил, но в конце концов не мог терпеть, что его считают тенью другого человека.

<http://bllate.org/book/15303/1352398>